

ЕГО СЕРДЦЕ БЬЕТСЯ ДЛЯ ЛЮДЕЙ

«Иногда советуют сделать выбор. Но я не могу оставить цирк — это моя жизнь... И не могу не помогать людям, прикованным к постели. Ведь я знаю путь исцеления!».

Представление в Московском цирке на Ленинских горах было в самом разгаре, но, как только силовой жонглер Валентин Иванович Дикюль закончил свой номер, вызвавший, по моему, наибольшее восхищение зрителей, я поспешил за кулисы.

Казалось невероятным, как он смог скрыть от сотен глаз, устремленных в центр арены, что сегодня болен. Да-да, обычной болезнью, гриппом, при котором нам дают бюллетень. Тот факт, что свою фантастически сложную программу он отработал без всяких сокращений, ничуть ее не упростили, в моем сознании просто не укладывался.

На арене он непринужденно играл восьмидесятикилограммовыми гириями, штангой, жонглировал металлическими шарами, подбрасывал и ловил их на шею, а потом, стоя на борцовском мосту, касаясь помоста только головой и ступнями, удерживал на себе пирамиду весом в 900 килограммов. И все это невольно наводит на мысль: да способен ли физически человек, хотя бы тренированный перетренированный, на подобные чудеса?

Но потом, за кулисами, я увидел то, что зритель, воздав должное артисту, никогда не видит. Вот оно, как достается то...

Силич стоял, опершись руками о стальной шкаф. Руки, могучие мускулы всего тела Дикюля, испытанные только что колоссальными нагрузками, были уже далеки от тех — ловких, охотно-послушных, которые только что восхищали зрителя. Но самое ужасное — кашель.

Этот кашель пришел теперь, вернулся, чтобы взять свое. И долго, очень долго не отступал...

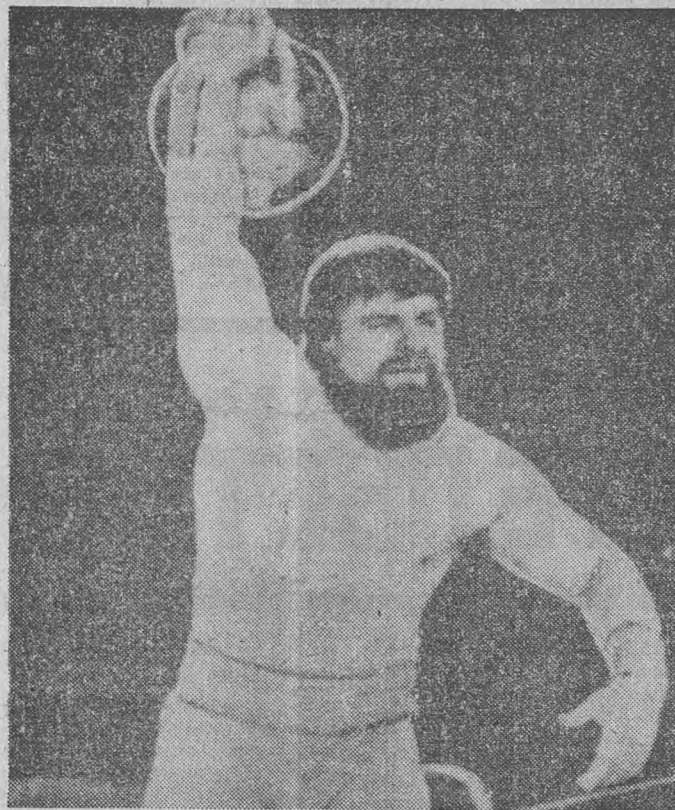
Дикюль сам убрал свои «игрушки» в шкаф и медленно побрел вверх в свою гримерную. И долго еще слышно было, как этот проклятый кашель не дает ему покоя. «И так вот каждый вечер», — сказала мне жена Дикюля, Людмила Михайловна.

День же этот был все же не совсем обычным: накануне пришла весть о присвоении Валентину Ивановичу звания заслуженного артиста РСФСР. Программа Дикюля уже не один год восхищает знатоков циркового искусства. Наконец — официальное признание таланта.

Когда пишут о Дикюле, чаще всего, памятью о многогранности его деятельности, авторы подразделяют повествование на части: «цирк», «система Дикюля», «пациенты», «специалисты». Мне же представляется такое деление чисто условным. Рассказывая о нем, отделять одно от другого не следует. Потому что Валентин Иванович для себя этого не делает.

Наивность собственных вопросов, которые я приготовил для встречи с ним, осознал сразу же. Отпала надобность спрашивать: «Что же вами движет? Как возможно вести гигантскую работу, возвращая к жизни людей, до встречи с вами отнесенных врачами к числу безнадежных, навсегда обреченных на неподвижность, и в то же время — поработать мир неслыханными достижениями в цирковом искусстве? Может ли человек быть подвижником и первопроходцем сразу в двух, столь важных и столь разных делах?».

И до сих пор еще иные работники медицины, когда их просят прокомментировать достижения Дикюля, не преминут вспомнить, что он не

врач по образованию, подчеркнуть, что его система восстановления подвижности при тяжелых спинномозговых травмах родилась не на голом месте. И вообще, дескать, надо все это еще тщательно проанализировать. Но ведь, по самым скромным подсчетам, около 900 больных, тех самых, «списанных» авторитетными НИИ и центрами, взявшись заниматься по системе Дикюля, через определенное время на ноги встали, живут. Сам же он по-прежнему вынужден отвечать (помогают ему лишь несколько энтузиастов) на тысячи писем, размножать экземпляры тестов, которые надо высылать каждому больному. Словом, чуть ли не в одиноч-

ку, как говорится, на общественных началах, бесплатно выполнять работу, не уступающую по объему и важности задачам целых центров и институтов.

Сейчас он готовит специалистов, которые могли бы лечить по его методике. Прошли подготовку уже 108 врачей из СССР и из-за рубежа. Кстати, как показали письма, пришедшие в «Орловскую правду» после выхода в свет материала «Возвращайся, Анатолий!» (о письмах мы рассказали 24 февраля), есть проблема лечения спинномозговых травм и детского церебрального паралича и в нашей области. Может, следует направить из Орла специалиста на подготовку к Дикюлю? Для

этого органы здравоохранения должны послать письмо в Минздрав СССР.

Дикюль же смотрит в будущее с оптимизмом. Повлияла встреча с министром здравоохранения СССР Е. И. Чазовым.

— Так что же министр, не помог вам в текущих проблемах — копии печатать, отвечать на письма?

— Не мог я у министра красть время, не сказал об этом, — говорит Дикюль. — Хорошо, что о главном договорились — о книге, где я расскажу о своей системе. Потом много проблем отпадет.

На гастролях в Риге его подстерег гепатит. Все равно на арену выходил до тех пор, пока стоял на ногах. Сразу после лечения — гастролы в Париже.

Как только, после драматического события 1962 года, когда он сам оказался в состоянии прикованного к постели инвалида, Дикюль стал разрабатывать свою систему — не жалел времени, тут же начал помогать и другим, собравшим по несчастью.

Не удивляют близких эти факты. Знают: Дикюль главный смысл жизни видит в необходимости дарить людям радость.

Его душа... Может, она чем-то похожа на его гримерную. Дверь здесь всегда открыта, рядом — всегда люди. Внутри — кое-что из «легкого» инвентаря силача и множество писем от инвалидов, нуждающихся в его помощи, книги и кофе, которым он всех нас, пришедших в тот день к нему, ухитрился найти время угостить.

Не стал я задавать ему свои вопросы. И когда стоял он на арене, на борцовском мосту, мне показало: не 900 килограммов он удерживает своим могучим телом. Больше, значительно больше...

А. БОЧКОВ.

В этом году В. И. Дикюлю исполнится пятьдесят. Жизнь, отданная людям, — сказано о нем, о таких, как он. И, думаю, читателям будет интересно познакомиться с некоторыми мыслями этого человека, что он высказал в нашей беседе. Приведу, как сумел записать.

Пациентам стараюсь внушить: поверьте, что сможете поставить себя на ноги. Это очень важно для них — поверить. Как только ты отступил, заныл — считай, болезнь тебя победила дважды.

Иногда мои пациенты говорят: «Врачи сказали, что я безнадежен...». Это грубейшая ошибка! Нельзя никогда так говорить!

О дефиците мы часто говорим: того не хватает, этого нет. Причем все это как-то объясняется. Но существует дефицит, который я не могу понять, не могу принять, ибо он чужд нашему народу. Это дефицит милосердия, сочувствия. Каким периодом застоя это можно оправдать?

У нас есть для инвалидов определенные льготы. Но и о них часто забывают! Больному человеку, чтобы получить то, что ему по закону полагается, часто приходится биться головой о стену равнодушия, бюрократизма. Но ведь каждый чиновник — наш советский человек! Как же можно довести свою душу до такого очерствения!

У нас случается: придет санитар, к примеру, в детский дом, канализацию починит. Мало того — как он починит — он еще такую сумму затребует, что миллионеру только по карману. Это в детском доме!

Давайте же посмотрим на себя. Можем ли мы сказать, что перестроились? Нет, по моему, в сознании перестройка еще не произошла. Сделал ли ты что-нибудь, чтобы вокруг тебя было хорошо? Если ты слесарь, загляни в выходной в дом для инвалидов, спроси, можешь ли ты чем помочь.

Перечислить деньги в Детский фонд просто. Труднее сломать вокруг детских домов, домов для инвалидов и престарелых забор равнодушия, укрепившийся годами.